

© Бустанов А.

**Рец. на: Чукури, Мухаммад-
‘Али; Басарави, ‘Арифуллах.
Булгарские хроники, или
Приближение [‘Али] Гари /
Вступит. статья, транскрипция,
пер. и комм.
И.Р. Сайтбатталова. М.:
ООО «Садра», 2021.**

Любая работа, связанная с публикацией, переводом и тщательным исследованием текстов, созданных мусульманами в России, должна приветствоваться. Дело не (только) в непреодолимой ориенталистской страсти к авторитету письменного слова, но (и) в расширении доступа исследователей к широкому культурному репертуару, так или иначе артикулировавшемуся авторами прошлого. Зачастую в нашем распоряжении просто нет других источников, кроме элитарных текстов, записанных мужчинами и адресованных «обладателям знаний». Эта констатация, правда, не должна оставаться таковой, а служить для нас отправной точкой для критики: критики содержания этих текстов, их авторов, прежних традиций их коллекционирования и изучения, критики того языка, который авторы конструировали как авторитетный и доминирующий. Я убежден, что критический подход деконструкции позволит нам глубже понять (бес)ценность источников, с которыми мы работаем, уходить от прежних клише и предлагать новые ракурсы во взгляде на корпус мусульманских текстов в Российской империи и Советском Союзе.

Поэт Мухаммад ‘Али ал-Чукри (1826/1827–28–1889) был заметной фигурой среди авторов и ученых Урало-Поволжья XIX века. Ему принадлежит множество стихотворных произведений, большинство из которых осталось в рукописях и до сих пор не издано. По масштабам творчества фигура ал-Чукри сопоставима с представителем прежнего поколения богословов — ‘Абд ар-Рахимом ал-Утыз-Имяни (1752–1836), получившим образование в Бухаре и прославившимся своим поэтическим творчеством. Ал-Чукри был суфийским шайхом, воспитанным в персидском культурном каноне в ряде локаль-

Бустанов А. Ph.D., доцент Амстердамского университета. a.bustanov@uva.nl
<https://orcid.org/0000-0001-6274-496X>.

Для цитирования: Бустанов А. Рец. на: Чукури, Мухаммад-‘Али; Басарави, ‘Арифуллах. Булгарские хроники, или Приближение [‘Али] Гари / Вступит. статья, транскрипция, пер. и комм. И.Р. Сайтбатталова. М.: ООО «Садра», 2021 // Антропологии/Anthropologies. 2022. № 2. С. 273-279, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2022-2/273-279>.

ных медресе. Для получения образования такого типа к середине XIX в. уже было не обязательно ехать учиться в Среднюю Азию, хотя многие современники автора так и поступали. По сути, интеллектуальная среда Мензелинского уезда, близкого по духу ал-Чукри, была в это время оплотом персидской учености (в смысле *Persianate high culture*)¹. Благодаря своим путешествиям по образовательным центрам в регионе, а также неоднократным поездкам в хадж ал-Чукри собрал разрешения на наставничество от целого ряда видных суфийских деятелей. Такое сочетание нескольких линий преемственности из суфийских братств можно считать одним из проявлений феномена «соединенных силсила» (*bundled silsilas*), описанного Девином ДеВизем на среднеазиатском материале². Без знакомства с жизнью и творчеством ал-Чукри невозможно себе представить изучение исламской истории в Урало-Поволжье как в студенческой аудитории, так и в академии. Неслучайно, поиском его трудов занялись уже первые поколения мусульманских археографов и к сегодняшнему дню сформировался историографический корпус со своими подходами к фигуре ал-Чукри.

Публикация сочинения, вышедшего из-под пера поэта Мухаммад ‘Али ал-Чукри и его сына ‘Арифиллы Басарави, уфимским коллегой Искандером Саитбатталовым является хорошей новостью в деле критического прочтения мусульманских рукописей в России. Несмотря на достижения цифровой эпохи, исследования такого плана, выходящие в московских издательствах, оказываются сегодня доступными более широкой аудитории, нежели те, что издаются в регионах. Особенно это важно для студентов университетов в Москве и Санкт-Петербурге, где есть направления для подготовки специалистов по истории ислама в России. Наряду с преподавателями эти студенты получают доступ на русском языке к первоисточникам и могут сами оценку источнику и его презентации.

По своей структуре книга выстроена традиционным для ее жанра способом: историко-филологическое введение предваряет русский перевод, затем следует «транскрипция на башкирской кириллице» и глоссарий. В своем обзоре я практически не буду касаться содержания самого источника, с ним уважаемый читатель может ознакомиться самостоятельно. Мои комментарии имеют отношение только к тому, как этот источник презентуется издателем.

В своем предисловии переводчик и комментатор предлагает метанарратив башкирской истории в его сокращенном изложении. Судя по всему, задумано это было как контекстуализация того, о чем пишут в своем сочинении ал-Чукри и его сын. В этом вводном тексте, знакомящем читателя с политической, отчасти социальной и интеллектуальной историей башкир, содержится ряд наблюдений, которые формируют призму восприятия первоисточника и поспею требую к себе особого внимания.

¹ James Pickett, *Polymaths of Islam. Power and Networks of Knowledge in Central Asia*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2020.

² Devin DeWeese, ‘Dis-Ordering’ Sufism in Early Modern Central Asia: Suggestions for Rethinking the Sources and Social Structures of Sufi History in the 18th and 19th Centuries // Bakhtiyar Babadjanov and Kawahara Yayoi (eds.), *History and Culture of Central Asia*. Tokyo: University of Tokyo Press, 2012. P. 259–79.

В самом начале вводной статьи автор указывает на значимость для истории ислама именно XIX века, когда творил ал-Чукри и отчасти 'Арифилла Басарави. Мы узнаем, что «он начался для мусульман с практически повсеместного экономического и культурного упадка, многочисленных военных поражений, утраты политической самостоятельности, а закончился интеллектуальным, а за ним и социальным подъемом, серией освободительных движений и началом превращения мусульман в равноправных участников мировых процессов» (с. 5). Звучит как описание процесса деколонизации в мусульманских странах в течение XX в. на фоне консервативного XIX в. Такая бинарность в оценках в историографии далеко не нова. Является она, правда, не частью современной деколониальной оптики, а вполне себе имперского нарратива об упадке (*decline paradigm*), широко и беспощадно раскритикованного на разных материалах³. К чему этот пассаж здесь? К счастью, я не нашел в книге упоминаемый вечной дуальности традиционалистов и реформаторов, которая обычно служит иллюстрацией тезиса об отсталом прежнем мире и многообещающей модерности. Для Искандера Саитбатталова, очевидно, творчество ал-Чукри и его сына не является примером цивилизационного упадка. Тогда какого их место в той картине века, что описана в самом начале автором? Здесь можно предположить, что заметка об «упадке» относится не к интеллектуальному уровню, а к экономическому положению, на которое жаловался ал-Чукри. С завистью к богатым заказанским богословам ('*улама*) он пишет, что у него нет доступа к тем же книгам, что могли себе позволить его более зажиточные коллеги (с. 88, 158). Для издателя, кстати, это оказывается поводом для указания на то, что не письменные, а устные источники были главными для комментаторов ал-Чукри: «в своей критике «Таварих-и Булгарийа» Мухаммад-'Али ибн 'Абд ас-Салих и 'Арифилла ибн Мухаммад-'Али опираются прежде всего не на письменные работы арабских, персидских и других историков и географов, малоизвестные или недоступные в то время, а на живую устную традицию, представленную «уважаемыми старцами и осматрительными учеными», моральный авторитет которых и является залогом истинности сообщаемых ими сведений» (с. 46). При достаточно низком уровне наших знаний об эволюции книжного репертуара, при отсутствии надежных баз данных и даже каталогов сложно себе представить, какие именно тексты были более известны, какие доступны, а какие недоступны. Списывать все на авторитет устного слова — слишком ответственное дело в нашей ситуации⁴. Мой опыт работы с книжным репертуаром исламских рукописей в Урало-Поволжье подсказывает мне, что речь идет не о цивилизационном «упадке», а о региональных и хронологических особенностях книжного репертуара, вызванных не только предпочтениями отдельных ученых и их коллег, но и доступом к инфраструктуре и уровнем благосостояния⁵. 'Арифилла

³ Для нашего контекста релевантна эта статья: Allen Frank, Muslim Cultural Decline in Imperial Russia: A Manufactured Crisis. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2017. Vol. 59 (1–2). P. 166–192.

⁴ Ср.: Danielle Ross, A Collateral Cultural Revolution: Russia's State-Driven Papermaking and Publishing Efforts and Their Effects on Volga-Ural Muslim Book Culture, 1780s-1905 // *Publishing in Tsarist Russia: A History of Print Media from Enlightenment to Revolution*, ed. by Yukiko Tatsumi and Taro Tsurumi. London: Bloomsbury Academic, 2020. P. 152.

⁵ Alfrid Bustanov, Shamil Shikhaliev, The Textual Landscape of Islamic Law in Imperial Russia. *Arabica* (forthcoming). Ср.: Heather Blurton, Dwight F. Reynolds (eds.) *Bestsellers and Masterpieces: The Changing Medieval Canon*. Manchester University Press, 2022.

Басарави, как и указывает издатель рукописи, был не просто переписчиком, но и (со)участником творческого процесса. Отразились ли его личный опыт, начитанность и собственные представления об истории на том, как он презентовал труд своего отца? В любом случае, ведь мы не имеем дело с полностью оригинальным сочинением — это рефлексия на рефлексии автора. Как раз-таки ценность всей агиографической традиции «Таварих-и Булгарийа» состоит в ее интертекстуальности, во взаимодействии ряда авторов в объяснении, что же такое *шахр-и Булгар*. К сожалению, в обсуждаемой книге эта интертекстуальность признается как факт (с. 40–45), но никак не обсуждается и не концептуализируется. А ведь жаль, поскольку такой разбор мог бы быть полезен в сравнительном ключе, а также во взаимодействии с аргументами предыдущих исследователей, в особенности Аллена Франка⁶.

Булгарская тематика, раз уж о ней зашла речь, представлена в книге необычным образом. С одной стороны, переводной текст и «транскрипция на башкирской кириллице» почти на каждой странице пестрят упоминаниями населения Булгара (*ахл-и Булгар*) и города/ земли Булгар (*шахр-и Булгар*). Однако для издателя почему-то это не повод для подробного обсуждения концепций пространства в изучаемой традиции: «хотя авторы сочинения восхваляют Казань и ее жителей и признают религиозный авторитет и значение этого города, они не предпринимают попыток связать себя со средневековым Булгаром или современной Казанью генетически, как это делали многие улмы XIX в. Не предают они «Булгарской стране» и этнического, тем более языкового характера. Осознавая себя представителями башкирского народа с собственной историей, клановой структурой и политическими потребностями, будучи российскими патриотами [sic!], они ощущали религиозное единство с остальными мусульманами Урало-Поволжья и общность связывающей их традиции» (с. 49). К слову, перевод сочетания *шахр-и Булгар* как «Булгарская земля» или «страна Булгар» без каких-либо контекстуальных комментариев не кажется мне удачным. Сайтбатталов настаивает на том, что именно Уфа была центром управления башкир со времен основания города (с. 16), но ал-Чукри и Басарави почему-то пишут не об уфимской «стране» и Уфе, а о Казани и Булгаре. В своем введении к источнику исследователь стоит на том, что Булгар был символом религиозного единства, а идеология «булгаризма» искусственно объединяла в себе разрозненные «этноты» (с. 40). В этом нежелании всерьез обсуждать Булгар и интертекстуальность булгарских агиографий лежит авторский выбор: в самом деле, невозможно обсуждать домодерную булгарскую идентичность языком советской этнографии. Не удивительно, что ключевая *нисба* 'Али ал-Чукри, связывавшая его с региональной идентичностью — ал-Булгари — упоминается издателем только в аннотации к книге на форзаце и в сноске на стр. 58.

Не нужно обладать способностью «видеть сокрытое», чтобы распознать национальный фрейм в исследовании рукописи ал-Чукри, который предлагает издатель. Сайтбатталов вписывает источник в национальный нарратив о башкирской истории. А как иначе, по логике исследователя, ведь они «подчеркивали свое башкирское происхождение» (с. 6). Для издателя рукописи важно было подчеркнуть, что Валиди Тоган был башкиром (с. 8), что башкиры

⁶ Allen Frank, *Islamic Historiography and 'Bulghar' Identity Among the Tatars and Bashkirs of Russia*. Leiden, Boston: Brill, 1998.

имели «определенную автономию» в Монгольской империи (с. 11), что проникновение ислама к башкирам относится к 920-м годам (с. 10). Некоторые пассажи читаются, право, как ностальгия по эпохе ельцинского «парада суверенитетов»: «башкирское общество при этом не отказывалось от подданства монархических правителей [...], однако стремилось к тому, чтобы они находились за пределами Башкирии и не вмешивались во внутреннее самоуправление» (с. 13). В целом, примордиальная позиция выглядит здесь непоколебимо: это рассказ о «вечной» Башкирии и истории башкирского народа, так сказать «с древнейших времен» (с. 23). Этот язык национальных классификаций позднесоветского извода перемежается порой с романтическими ориенталистскими наблюдениями. Например: «принадлежность «религиозно-культурной элиты» к мистическим братствам была широко распространена на мусульманском Востоке» (с. 12). Такой микс, конечно, не удивителен, ведь в основе своей нацистропительство идет рука об руку с ориентализмом.

Еще одной иллюстрацией такого выбора в языке описания служит мотив противостояния с Казанью и татарами. Причем этим в книге увлечены попеременно то башкиры прошлого, то сам издатель. Сначала читаем, как «северные и западные башкиры показали себя наиболее последовательными сторонниками выселения из Башкирии выходцев из Казанского уезда, переселившихся на их земли в конце XVII — начале XVIII в. в стремлении уйти от налогового и религиозного гнета» (с. 24). Затем мы узнаем, что отец ал-Чукри негативно относился к Казани, потому что «к сороковым годам Казань уже становилась центром религиозного модернизма» (с. 31 — еще бы знать, что это значит, ведь для исламского реформаторства в регионе как будто рановато). Наконец, мы читаем систематическую и ставшую уже традиционной для национальных историографий полемику с татарскими историками почти по любому поводу (с. 21–22, 43, 50). Несмотря на риторику о «многообразии и сложности» «уникального варианта мусульманской культуры» в регионе Булгара, издатель источника закрепляет национальный, обособленный взгляд на историю.

Пожалуй, апогеем такого подхода является выбор формы презентации источника. В книге нет факсимиле рукописи, даже в качестве иллюстрации. Возможно, это было требованием издательства, однако для работы с такими текстами видеть оригинал крайне важно для специалистов. Издатель предпочел сопроводить перевод текста на русский язык не научной транслитерацией или набранным текстом на арабской графике, а транскрипцией! По сути, это означает опыт реконструкции того, как текст второй половины XIX века звучал в устах его авторов и читателей. Думаю, излишне говорить о практической невыполнимости такой задачи только на основе письменного текста (ср. сборники фольклора, записанные В.В. Радловым с живой речи, а не с рукописей). При этом издатель объясняет свой выбор следующим образом: «представители семьи Кииковых [т.е. ал-Чукри и его сын] были носителями таныпского говора северо-западного диалекта башкирского языка, описанного Т.Г. Баишевым и другими исследователями еще в 30-е гг. XX в., и система гласных которого полностью отражает фонетические переходы, характерные для кипчакских языков. Башкирская кириллица была выбрана как графическая основа транскрипции в силу ее способности последовательно отражать фонетические [sic!] особенности как исконных, так и заимствованных лексем памятника» (с. 52). Комментировать некритичное использование в научной литературе концептов, используемых как политические шпильки в проти-

востоянии Республики Татарстан и Республики Башкортостан в преддверии очередной переписи населения, я не стану, хотя публичная позиция издателя рукописи в этих процессах хорошо известна. Если сказать коротко, то благодаря национальным ножницам в изучении истории⁷ поэт, воспитанный в персидской эстетической парадигме и интеллектуально инвестировавший в концепт Булгара, ал-Чукри превратился в классика башкирской литературы (с. 38), чьи письменный язык и даже устную речь можно легко классифицировать в рамках современных эпистемологий. Такое анахроническое смешение было бы удивительным, тем не менее, если бы не было бы обычной практикой на постсоветском пространстве, особенно на Кавказе и в Средней Азии, где советские научные практики разделения региональных литератур по национальным комнатам были возведены в ранг аксиомы. С одной стороны, Саитбатталов совершенно прав, когда пишет, что «попытки связать те или иные памятники исключительно с какой-либо одной национальной литературой, границы которой оформились в XX в., изначально обречены на неудачу» (с. 50), однако делает он это только для отпора татарским националистам в защиту башкирского национального проекта.

В этом месте я хотел бы сделать ремарку, что поскольку я и сам занимаюсь эдиционной археографией и издаю образцы арабографических текстов, созданных в Российской империи и в Советском Союзе. В своих книгах я ориентируюсь на сложившиеся (хрупкие) формы **транслитерации** текстов на литературном татарском языке в кириллице. Однако я не считаю возможным **транскрибировать** эти тексты и рассуждать о том, как они могли бы звучать на том или ином диалекте (речь идет о произношении звуков, а не о специфической лексике). При прочих равных, конечно, кириллица очень неудобна для работы с исламскими источниками, поэтому я предпочитаю иметь дело с факсимиле оригиналов или компьютерным набором арабографического текста. Использование кириллицы в транслитерации неизбежно служит маркером советского национального проекта: если имперское востоковедение худо-бедно разработало принятые системы транслитерации арабо-персидских текстов, то тюркские языки слабо поддаются такой систематизации. Тем не менее, домодерные, донациональные авторы, работавшие в рамках космополитической культуры и поддерживавшие собственное, неколониальное представление о пространстве, навряд ли бы согласились променять свой культурный облик на национальную риторику. Значит ли это, что читатели, знающие современный башкирский или татарский языки, будут вынуждены читать непростые для восприятия труды их предков в оригинале либо только в русском переводе? Возможным решением проблемы было бы жанровое разнесение исследовательской аудитории, для которой национальный фрейм является очевидно лишним, и национально ориентированной аудитории, для которой важно не терять связь с (воображаемыми) предшественниками. Смешение жанров и аудиторий может привести к тому, что академическая наука инструментализируется в постсоветских войнах памяти, а публикации в столичных издательствах служат делу тупикового национального строительства в рамках клише советской теории этноса.

В заключение я бы хотел бы сказать, что многие из моих наблюдений могли бы быть сняты на этапе слепого рецензирования в издательстве или же

⁷ Бустанов А. К. Ножницы для среднеазиатской историографии: «восточные проекты» ленинградского востоковедения // Ориентализм vs. Ориенталистика: Сб. статей / отв. ред. и сост. В.О. Бобровников, С. Дж. Мири. М.: ООО Садр, 2016. С. 108–166.

при наличии научного редактора (к моему удивлению, я не нашел такового в книге). Рецензенты могли бы подсказать, как избежать глухих сносок на одни и те же издания. Порой в ходе знакомства с книгой читатель задается вопросом, неужели в глобальном обзоре о башкирской истории не на что больше опереться, кроме как на изложение истории башкирских родов, в которых принимал участие сам Сaitбатталов (с. 17–20, 22–24 и др.). В качестве спойлера — конечно же существует обширная историография, в том числе на английском языке⁸, с которой хотелось бы увидеть какое-то взаимодействие. В других местах не хватает конкретных ссылок — то на книги М.А. Усманова, с которыми спорит Сaitбатталов (с. 41), то на архивные шифры рукописей, которые упоминает автор (например, с. 28, 29, 34 и др.). А порой и ссылки на источники даны ошибочно, как в случае со ссылками на второй том «Асар»а Ризы Фахрединова (Казань, 2009) на стр. 31.

Book Review

Bustanov A. Review of: Chukuri Mukhammad-'Ali; Basaravi, 'Arifullakh. Bulgar chronicles, or The Coming of ['Ali] Gari. Translated and edited by I.R. Saitbattalov. Moscow: ООО «Sadra», 2021. Anthropologies, 2022, no 2, pp. 273-279, doi 10.33876/2782-3423/2022-2/273-279.

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Bustanov A. | a.bustanov@uva.nl | <https://orcid.org/0000-0001-6274-496X> | Ph D., University of Amsterdam

⁸ Danielle Ross, *Tatar Empire: Kazan's Muslims and the Making of Imperial Russia*. Indiana University Press, 2020; Charles Steinwedel, *Treads of Empire: Loyalty and Tsarist Authority in Bashkiriya, 1552–1917*. Bloomington: Indiana University Press, 2016.

